

УДК 94 (47)

**МОТИВ «СМЕРТИ ОТ КОНЯ СВОЕГО»
И КНЯЗЬЯ-РЮРИКОВИЧИ В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»**

© 2023 А.С. Фогель

Самарский государственный экономический университет

Статья поступила в редакцию 27.08.2023

В статье рассматривается проблема интерпретации распространенного повторяющегося летописного мотива «смерти от коня своего» в связи с описаниями смертей русских князей-Рюриковичей X-начала XI вв. – Олега Вещего, Олега Святославича Древлянского и Глеба Владимировича Муромского. Автор стремился выделить и подробно проанализировать все фольклорные мотивы, связанные с этими тремя смертями и разобрать связи, объединяющие все эти случаи в «Повести временных лет». Проблема рассмотрена на основе современных достижений отечественной науки.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, князья, династия, Повесть временных лет, летописание, фольклор, дружинная культура, традиция, язычество, христианство, средневековый менталитет.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-3-5-17

EDN: IENVYW

«Повесть временных лет» и сказания о первых князьях традиционно выступают основным источником информации о начальном периоде истории Древней Руси IX-XI вв. И одной из постоянно затрагиваемых в источнике тем является не только история жизни каждого конкретного князя-Рюриковича, но и повествование о его смерти и захоронении. Для летописца этот момент был важен в том смысле, что о князьях начального периода древнерусской истории известно относительно немного, но именно смерть и сохранившаяся до времени написания летописи «могила» определяют правдивость повествования и таким образом делают саму летопись максимально достоверной¹.

Нас будет интересовать традиционная и в определенной степени разработанная исследователями тема использования автором ПВЛ разнообразных фольклорных

мотивов при написании летописи². И в первую очередь это касается классического мотива «смерти от коня своего», знакомого нам в основном по сюжету о Вещем Олеге. Этот случай максимально известен в научных кругах и литературе, он рассмотрен и интерпретирован со многих сторон, в том числе и со стороны связей с древнескандинавскими источниками³.

Однако мотив смерти древнерусского князя, в котором так или иначе принимает участие его конь, не единичен даже в самой ПВЛ и встречается по крайней мере еще дважды. Сюда возможно отнести смерть Олега Святославича Древлянского (977 г.) и смерть Глеба Владимировича, князя Муромского (1015 г.). Случаи смерти далеко не идентичные, летописец традиционно стремился максимально индивидуализировать смерть каждого князя, и в описании смерти Олега Вещего данный мотив дан максимально подробно, но многие моменты, связанные с этими смертями князей, все же позволяют связать их воедино. При этом

*Фогель Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории.
E-mail: alexandr_fogel@inbox.ru*

мы можем проследить эти связи во всех трех случаях, причем это не только связи со смертью Олега Вещего, выступавшей здесь скорее всего неким «образцом», но также и между собой.

Итак, по ПВЛ мы имеем три описания смертей князей-Рюриковичей начального периода (если исходить из версии, что Олег был не просто воеводой или боярином, но и родственником Рюрика⁴):

Смерть Олега Вещего от укуса змеи.

Смерть Олега Древлянского, заваленного телами людей и коней во рву.

Смерть Глеба Муромского, зарезанного собственным поваром на корабле (ладье).

Что же их всех связывает?

Во-первых, это имя. Имя «Олег (Хельги)» выступает первым родовым именем в династии Рюриковичей⁵. И это сразу же связывает Олега Вещего, княгиню Ольгу (женская версия имени Хельги⁶) и Олега Древлянского. Имя исходно скандинавское и непосредственно означает «святой», «вещий», «священный», «пророк»⁷, то есть это имя скандинава-жреца, непосредственно связанного с богами⁸. Кроме того, подобное имя давалось только в знатных родах. Причем Олег Древлянский скорее всего назван именно в честь Олега Вещего и в этом смысле рассматривается исследователями и как его наследник⁹. И это было тем более почетно, что ко времени написания летописи Олег Вещий виделся летописцу почти идеальным князем-героем и вождем дружины¹⁰.

Но и имя Глеб (Улеб, Гудлейф) тоже исходно скандинавское и означает «наследник богов»¹¹. Мало того, и это особенно значимо в случае Олега Святославича и Глеба Владимировича, они – единственные каждый в своем поколении князей-Рюриковичей носители традиционных скандинавских имен. То есть так или иначе именно они осуществляют связь (хотя бы на уровне имен) со старым скандинавским именословом и скандинавской традицией в принципе. Остальные же известные имена, как у потомков Святослава, так и у потомков Владимира, – подчеркнуто славянские. А Олег

Вещий – также скорее всего именно скандинав¹². Так что мы имеем дело с тремя случаями, связанными со скандинавами хотя бы по имени.

Во-вторых, всех этих князей связывает предсказание судьбы – и это значимо для Олега Вещего (дано в полном и подробном виде волхвами – единственный случай и уникальный мотив) и Глеба Муромского (дано в неявном, но отрефлексированном виде – поведение коня, сломавшего или же просто повредившего ногу себе или же себе и князю¹³). У Олега Древлянского данного мотива не прослеживается, по крайней мере в явном виде, хотя как предсказание судьбы (или же проклятие) в каком-то смысле можно рассматривать сам факт убийства князем на охоте Люта Свенельдича.

И Олег, и Глеб, получив предсказание о собственной смерти, оба попытались избежать ее – они отдаляют от себя любимых боевых коней. Однако в случае Глеба интересно еще одно обстоятельство: он, с одной стороны, судьбе вроде бы и противодействует, а с другой, несмотря на явно неблагоприятное предсказание, все равно продолжает свой путь, а получив дополнительное свидетельство о гибельности этого пути – подробное письмо Ярослава¹⁴, он отказывается следовать призывам и указаниям брата. И в конечном итоге гибнет. В случае Олега Святославича никаких попыток борьбы с судьбой предпринято вроде бы не было.

В-третьих, как и было заявлено исходно, во всех трех смертях княжеские кони принимают определенное и значимое участие. В славянской традиционной мифологии конь воспринимался не только как транспортное животное, но и как ближайший друг, собственно воин и его конь воспринимались как единое целое – всадник¹⁵. И потеря коня в этом смысле мыслилась как потеря очень большой части себя, по сути, серьезное увечье и, таким образом, как бы начало перехода на «тот свет»¹⁶. Получается, что Олег Вещий, отослав своего любимого коня, во многом уже предопределил свою судьбу и приблизил свою смерть.

Олег Древлянский и вовсе погиб вместе с конем, не пережив его. Глеб же поступил во многом как и Олег Вещий – он своего коня, повредившего ногу себе или ему, оставил, пересел на корабль и тем тоже приблизил свою смерть. При этом корабль (ладья) традиционно является частью погребального княжеского обряда у славян-язычников¹⁷ (сравните ситуацию с древлянскими (!) старейшинами из первой мести Ольги¹⁸). Глеб был христианином, но знание о его смерти летописец исходно получил из дружинной традиции, а она достаточно долго сохраняла языческие черты¹⁹. Поэтому ладья, на которой погиб Глеб, могла быть и действительно просто ладьей («кораблем»), но могла иметь и дополнительные, достаточно зловещие для князя смыслы.

Одновременно символике коня в славянской фольклорной традиции присуща прямая связь с языческими богами (спутник или атрибут), также он выступает как некое хтоническое существо, связанное и с культом плодородия, и со смертью, а еще конь – это традиционный проводник на «тот свет»²⁰ (поэтому дружинников и самих князей часто хоронили вместе с конем – чтобы точно попали по назначению)²¹.

В случае Олега Вещего предсказанная смерть происходит именно от коня – это основная «пружина событий», заданное условие, которое определяет ситуацию. При этом сам конь непосредственно здесь активного участия не принимает. Олег отдаляет его от себя, а затем лишь сам наступает ногой на его череп (по традиционным представлениям не просто вместилище, а прямое воплощение нечистой силы²²). Конь здесь пассивен.

В случае Олега Древлянского тела коней и древлянских дружинников, упавших вместе с князем с моста через ров, – непосредственная причина самой смерти князя, а конь также еще оказывается и прямым проводником в царство мертвых. Конь здесь активен, насколько это вообще возможно в данной ситуации – он и причина смерти, и проводник в нее.

В случае же Глеба Муромского конь выполняет двоякую роль – он и само предсказание судьбы, и одновременно, по сути, условие, косвенно приведшее князя к смерти. Именно из-за него князь был вынужден пересестись на корабль²³, был выслежен убийцами и вынужден принять свою смерть, не имея путей к отступлению и возможностей затеряться.

Также значимым мотивом и связью всех троих князей выступает змея. Но в прямом и явном виде она встречается только один раз – как прямая и непосредственная причина смерти Олега Вещего. Хотя часть исследователей склонны усматривать в этом эпизоде не просто несчастный случай или же наказание не-вещего князя за неверие в силу пророчеств, а видят в змее символ неожиданного и коварного удара, нанесенного князю кем-то из его ближнего круга, предателя²⁴. Возможно, это месть Игоря или же его двора за узурпацию Олегом престола²⁵. С Олегом Древлянским все обстоит несколько сложнее. Возможно, в роли «змеи» здесь выступил Лют Свенельдич, чье имя возможно интерпретировать как «волк» («лютый» как табуистическое его обозначение²⁶). А волк в традиционных представлениях славян – это, как и конь, хтоническое животное, связанное с Велесом, мертвыми и землей. И поэтому традиционными верованиями волк видится как нечистая сила и что-то чуждое, инородное. И также волк в традиционной символике сближается со змеей (Змей Огненный Волк)²⁷. То есть человек с «волчьим именем» как бы заменяет змею. В случае же с Глебом убийцей становится повар князя, предатель и таким образом тоже «змея», как и, возможно, у Олега Вещего. Также «хромоногость» связывает и самого князя со змеями, смертью и хтоническим вообще²⁸. То есть змея так или иначе в явном или «скрытом» виде присутствует во всех трех случаях и наносит князьям коварный и неожиданный удар.

Еще одним общим мотивом, значимым для Олега Древлянского и Глеба Муромского, выступает ров или овраг – Олег,

спасаясь бегством во время проигранной битвы с Ярополком, падает с моста в ров перед своим городом Овручем и умирает там, а конь Глеба повреждает ногу себе или князю именно перескакивая через ров. В фольклорной традиции ров или овраг был непосредственно связан с землей и могилой²⁹. То есть в случае с Олегом Святославичем он не просто умер, а еще и оказался как бы «похоронен» (во рву образовался целый «курган» из тел людей и лошадей, который пришлось разбирать довольно долго (тела вытаскивали с рассвета и до полудня). Причем обстановка в его «могиле» оказывается близкой к той, какая и должна окружать князя в настоящей гробнице (по крайней мере это вполне сопоставимо с описанием в «Смерти знатного руса»³⁰) и скандинавском воинском рае – Вальхалле. Он был «похоронен» в полном воинском убранстве, с конем и верными дружинниками-слугами. Ему были принесены достойные его статуса кровавые жертвы. Для полноты картины не хватает только добровольно ушедшей с ним жены или же девушки, ее заменяющей (кстати, все три князя в ПВЛ достаточно слабо связаны с женщинами, мы не знаем про их жен). А еще ров (овраг) по славянской мифологии – это «нечистое место», место, где хоронили только заложных покойников. То есть смерть на границе – это далеко не самая правильная, а опасная для оставшихся в живых смерть³¹. Для Глеба же это еще один элемент пророчества – конь, по сути, не сумел перейти через границу и миновать столько опасное, «нечистое» место, он начал «умирать» и, таким образом, повлек за собой князя в могилу, в царство смерти. Однако ров никак не связан с Олегом Вещим.

Еще одним объединяющим всех трех князей мотивом выступает связь с мертвыми – у Олега Вещего она проявляется через череп коня, у Олега Древлянского и Глеба Муромского – через ров (а в случае Олега Древлянского еще и через мертвых дружинников во рву), а также еще и травму ноги (хромоногость) Глеба, делающую его как бы «полу-мертвым» еще при жизни³² и

дополнительно беззащитным перед лицом надвигающейся смерти.

И также обстоятельства смерти князей и их захоронения, особенно Олега Древлянского и Глеба Муромского, сближают их не просто с мертвыми, а с особой категорией заложных покойников. Они были похоронены «неправильно» для князей – Олег во рву, а Глеб вообще был брошен на берегу между деревянными колодами, где и пролежал достаточно долгое время³³, то есть похоронены они в «неправильных», «нечистых» местах – по сути исходно вообще без могилы. Мало того, они оба погибли в достаточно юном возрасте (в случае Олега Святославича – действительно юном, по оценкам исследователей, ему должно было быть около 15-17 лет предположительно³⁴, в случае Глеба – юном относительно: князю было около 20-25 лет, но агиографическая традиция рассматривает Бориса и Глеба как совсем юных отроков³⁵) – в любом случае «не дожив свой век». В принципе, этот мотив применим также и к Олегу Вещему, он, конечно, погиб в достаточно почтенном возрасте, но если рассматривать череп коня как воплощение нечистой силы и рассматривать самого «вещего» языческого князя как сильного, пусть и неудачливого колдуна³⁶, то он тоже оказывается напрямую связан с этой категорией.

Все указанные вещи делают князей, хотя бы и мертвых, очень опасными для живых (в принципе, опасен любой заложный покойник, но если мы имеем дело с князем, то опасность возрастает в разы) и требуют от них определенного набора действий, чтобы их так или иначе обезопасить. В случае Олега Вещего – это появление сразу двух могил в окультуренных «людских» местах³⁷, а в случае Олега Древлянского и Глеба Муромского – предпринимается специальный розыск останков, а также не просто перезахоронение (у Олега Святославича даже дважды, так что и могил у него тоже получается две³⁸), а упокоение в самом святом на тот момент месте на Руси, причем Олега Святославича ради такой возможности пришлось даже

дополнительно посмертно крестить³⁹, что выступает одним из уникальных мотивов).

Дополнительно все трое оказываются связаны со стихией земли – здесь и кони, и змеи (волки) как хтонические существа, а также для Олега Древлянского и Глеба на прямую связь с Землей как стихией указывает ров – непосредственно сама раскрытая и в этом смысле активная, но враждебная князьям Земля.

Одновременно с мифологической точки зрения князья оказываются так или иначе связаны с границей: Олег Древлянский гибнет, переходя границу между «своим» и «чужим» пространством – падает с моста (тоже уникальный мотив) в ров, не доскакав до своей столицы. В этом смысле Олег оказывается как бы дважды на границе – он гибнет не просто на границе «своего» и «чужого», но еще и на переходе от сражения к миру. Одновременно и Глеб получает увечье, переходя ров, границу жизни и смерти. Так что мост как символ трудной переправы у Олега Святославича с одной стороны действительно уникален, а с другой стороны идейно близок к случаю Глеба Владимировича. Одновременно Глеб гибнет на воде (еще один уникальный мотив), а тело его оказывается брошено на берегу – и, таким образом, опять же на границе стихий⁴⁰. Олег Вещий в явном виде с границей не связан, но как «вещий» – колдун, жрец, пророк, он всегда, по сути, всю жизнь находился на границе божественного и людского, а также «живого» и «мертвого».

Еще один мотив, сближающий князей, – это кровная месть. И наиболее явно он прописан для смертей двух младших князей – Олег Древлянский гибнет в ходе кровной мести со стороны Свенельда и Ярополка, мстящих за смерть Люта Свенельдича⁴¹, а Глеб Муромский был убит Святополком Окаянным как раз из-за опасения того, что он виделся мстителем киевскому князю за невинноубиенного брата Бориса⁴². То есть оба князя – жертвы кровной мести. Но Олег Вещий тоже связан с кровной местью тем, что его убивает, возможно, не просто змея,

а сами языческие волхвы за то, что он во время греческого похода принял христианство⁴³, или же представители из окружения князя Игоря – за то, что он узурпировал власть⁴⁴.

Значимым мотивом во всех трех случаях выступает язычество и отношение к нему. И в этой ситуации Олег Вещий оказывается стопроцентным язычником-скандинавом, и весь конфликт, связанный с его смертью, – это языческий конфликт князей и жрецов. Одновременно нам жизнеописание князя известно «в обработке» христианина-монаха, стремившегося «осудить» князя-язычника за гордыню и посягательство на, по сути, полномочия библейского пророка. Язычником был и Олег Святославич. Хотя возможно что он был человеком, посвященным Ольгой в христианство или даже крещеным христианином⁴⁵. И, наконец, Глеб Владимирович был не просто крещеным христианином, он был рожден от князей-христиан, то есть христианин, так сказать, уже по праву рождения, но и воспитанный христианами в христианской среде. То есть Глеб, несмотря на скандинавское имя, прямо противопоставлен и убежденному язычнику Олегу Вещему, и полуязычнику Олегу Древлянскому. Он истинный христианин, по сути, первое поколение «новых людей», и смерть принимает христианскую, немислимую для язычников: он умирает, не сопротивляясь, под ножом предателя, при этом имея силы и возможности для сопротивления. Глеб мог примкнуть к лагерю Ярослава, Глеб мог сражаться с убийцами – он был не один, а со своей дружиной. Он и сам был обученным воином, и на корабле имел шансы отбиться. Но вместо всего этого он принимает смерть потому, что так решил старший брат и старший в роду. Он принимает смерть, уподобляющую его самому Христу⁴⁶. Он отказывается от языческих традиций. И эта смерть, «неправильная» для скандинавов-воинов, оказывается мученичеством и подвигом во имя веры и семьи.

Все три смерти так или иначе оказываются не просто смертями, а ритуальными

смертями-жертвоприношениями⁴⁷. В случае обоих Олегов стоит, возможно, говорить о жертве богу Велесу, богу лесов, скотоводства, богатства и мертвых. В случае Олега Вещего это выводят из персонажей, связанных с его смертью, – конь, череп и змея как животные и вещи, связанные именно с этим богом⁴⁸. В случае Олега Древлянского выводы немного сложнее – князь погибает с конем, среди мертвых, своей смертью, по сути, спасая от разорения древлянский город (то есть находящиеся под покровительством именно Велеса). Все это связывает его именно со «скотым богом». Смерть Глеба Муромского – тоже жертва, но не Велесу, а Христу, это смерть во имя христианской веры и сохранения семейных устоев. И именно такая смерть сделала князя святым. То есть здесь оказывается, что не настолько важны дела князя перед смертью, сколько то, как именно была принята смерть.

Характерно здесь еще и то, что если Олега Древлянского убивают так или иначе «свои»-древляне (кстати, известные злодеи с точки зрения автора ПВЛ), а не киевская дружина (и не старший брат Ярополк), то Глеба убивают тоже вроде бы и «свои», но не вполне. Повар, непосредственно убивший князя, был не русич, а кочевник по имени (или скорее прозвищу) Торчин, командиром убийц тоже был не русич, а иностранец – варяг Горясер, вот непосредственным заказчиком был князь и Рюрикович, но, по сути, «неправильный», потому что «сын двух отцов» Святополк Окаянный, бывший, с точки зрения летописца, воплощением всех пороков и как минимум «кривым» и «неправильным» христианином⁴⁹.

Все три князя принимают смерть на чужбине или по крайней мере в чужом для себя пространстве – Олег Вещий, по некоторым версиям, – за морем, Олег Древлянский – вроде бы и в своей Деревской земле, но не доехав до своей столицы, а Глеб Муромский умирает в «ничейной земле», неподалеку от Смоленска, то есть явно не в своих владениях. А смерть на чужой территории – опасна для самого умершего.

Также во всех трех случаях смерть носит насильственный характер. Князья и обычно умирают отнюдь не от старости, но в этих трех случаях все смерти так или иначе неестественные. Олег Вещий гибнет от укуса змеи и болезни, связанной с ней. Олег Древлянский гибнет не в битве, а упав с моста и будучи завален телами людей и лошадей своей дружины. Глеб Древлянский же был зарезан собственным поваром. Так что в полном смысле насильственной смертью может считаться только смерть князя Глеба.

Таким образом, все три князя и обстоятельства их жизни и смерти в «Повести временных лет» оказываются связаны достаточно тесно и разнообразно.

Однако при всей схожести мотивов мы можем рассматривать эти три случая также как и эволюцию мотива «смерти от коня» и вообще отношения к смерти в языческом и христианском обществе. Если в случае Олега Вещего этот мотив во многом определяющий и само пророчество показывает «соревнование» или же конфликт княжеской и жреческой власти в древнерусском обществе, то в случае Олега Древлянского он скрыт, завуалирован и даже не связан напрямую с пророчествами, а в случае Глеба Муромского мотив «смерти от коня» дан, но не является главным в сюжете о смерти князя. Если в случаях обоих Олегов действуют традиционные для восточных славян и скандинавов языческие нормы «воинской смерти», то в этом смысле смерть Глеба тоже стоит наособицу. В ней также присутствуют знакомые нам языческие мотивы (конь, хромоногость, ладья) – во многом получается, что автор «Повести временных лет» фиксирует все предыдущие смерти своих «персонажей» и средневековые читатели, возможно, могли понять, как и какие мотивы и элементы предыдущего опыта связаны с более поздними, близкими ко времени написания произведения, но они не являются определяющими. «Повесть временных лет» исходно не имела цели только осветить прошлое, но и выступала своеобразным «учебником для князей» и в этом смысле просто

обязана была учитывать современные ей реалии и расставлять нужные акценты.

Смерть Глеба как бы отвергает весь предыдущий «шаблон» поведения «правильного» князя. Он отказывается от борьбы за власть и славы полководца, отпуская своих спутников, он отказывается от идеала князя-воина, прямо запрещая своим спутникам и самому себе братья за оружие, он обращается с мольбой к своим убийцам, что

было немислимо во все прежние времена. Языческие мотивы здесь фиксируются и даже частично осознаются, но отбрасываются автором летописи ради новых христианских, делающих смерть Глеба, «недостойную» с точки зрения язычников, образцом для подражания для будущих поколений князей-христиан.

Для большей наглядности все описанные мотивы сведены в единую таблицу.

Сравнительная таблица встречающихся мотивов

Мотивы	Олег Вещий	Олег Древлянский	Глеб Муромский
1. Князья-Рюриковичи	+ (по одной из версий)	+ (100%)	+ (100%)
2. Имя	+	+ (скорее всего назван прямо в честь Олега Вещего)	+ (скандинавские имена у всех)
3. Отсутствие жен	+	+	+
4. Предсказание судьбы	+ (дано в прямом и явном виде)	-	+ (дано в неявном виде)
5. Попытки противодействия предсказанию	+ (отдалил коня)	- (2 года промедления, но у нас нет сведений)	+ (пересел с коня на ладью, получил письмо Ярослава с предупреждением, но не воспользовался)
6. Конь	+ (элемент предсказания, вместилище змеи-смерти)	+ (причина смерти)	+ (элемент предсказания)
7. Змея	+ (прямо названа как причина смерти, есть вариант, что под змеей имелся в виду кто-то из ближнего окружения, предатель)	+ (есть версии, что Лют-Волк — это своеобразная замена змеи)	+ (хромоногость связывает Глеба со змеями и хтоническим вообще, повар-предатель — тоже своеобразная «змея»)
8. Ров (овраг)	-	+ (место смерти)	+ (элемент предсказания)
9. Мертвые	+ (череп)	+ (мертвые во рву)	+ (сам ров и травма)
10. Заложные покойники	+ (связан с нечистой силой и сильный колдун)	+ (нет прямых указаний, но обстоятельства вполне располагают)	+ (никаких указаний, но обстоятельства вполне располагают)
11. Земля	+ (череп, змея)	+ (ров-могила)	+ (ров)
12. Граница	+ (череп, змея)	+ (первое сражение+ров)	+ (ров+вода+ тело брошено без захоронения на берегу)

13. Юный возраст	-	+ (15-17 лет)	+ (около 20-25 лет, относительно юный, но агиография настаивает)
14. Кровная месть	+ - (есть предположения, что смерть от змеи (кого-то из ближайшего окружения князя) можно интерпретировать как месть Игоря)	+ (жертва мести)	+ (опасение, что будет мстить за Бориса – причина смерти)
15. Язычество	+ язычник-скандинав, волхвы, жрец-пророк-колдун)	+ - (знаком с христианством от Ольги, но христианином был вряд ли – похоронен в первый раз по языческому образцу)	- (рожден и воспитан как христианин, по сути – первое поколение истинных христиан)
16. Смерть-жертвоприношение	+ (жертва Велесу)	+ (жертва Велесу)	+ (уподобление Христу)
17. Смерть на чужбине (в чужом пространстве)	+ («за морем»)	+ (не доехал до своей столицы, похоронен в Древлянской земле)	+ (принял смерть в воде не в своих владениях)
18. Насильственная смерть	+ - (умер от болезни после укуса змеи)	+ - (умер заваленный трупами людей и лошадей)	+ (зарезан своим собственным поваром)
19. Захоронение без могилы	-	+ (хотя и ненадолго, и очень специфично)	+ (брошен между двух колод и пролежал там несколько лет)
20. Перезахоронение	-	+ (поиск останков)	+ (поиск останков)
21. Наличие могилы	+ (даже две могилы)	+ (языческая и христианская)	+
22. Вода (уникальный мотив)	-	-	+ (смерть на корабле посреди реки)
23. Волхвы (уникальный мотив)	+ (прямо указаны как дающие предсказание)	-	-
24. Мост-переправа (уникальный мотив)	-	+ (падение с моста или подломившийся мост, чем-то типологически похоже на коня, при переправе повредившего ногу у Глеба)	-

25. Посмертное крещение (уникальный мотив)	-	+	-
---	---	---	---

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традиции. //ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., Вост. лит., 2003. С. 63-64.
- ² Петрухин В.Я. О фольклорных мотивах в ПВЛ. //ДГВЕ 2011, М., Университет Дмитрия Пожарского, 2013. С. 408.
- ³ Мельникова Е.А. Сюжет смерти «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традиции// От Древней Руси к новой России. М., 2005. С. 96.
- ⁴ Войтович Л.В. Призрак Олега Вещего. //Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. №1 Т.2. Белгород, 2015. С. 14.
- ⁵ Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., Молодая гвардия, 2018. С. 30.
- ⁶ Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X-XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропониимики. М., Индрик, 2006. С. 46-47.
- ⁷ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 26.
- ⁸ Перхавко В.Б., Пчелов Е.В., Сухарев Ю.В. Князья и княгини Русской земли IX -XVI вв. М., 2002. С. 24.
- ⁹ Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., Молодая гвардия, 2012. С. 245-246.
- ¹⁰ Алексеев С.В. Князь Олег Вещий: эпос и история. //Историческое обозрение, №20. М., 2019. С. 18.
- ¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4-х т. Том 1. М., 1986. С. 411.
- ¹² Войтович Л.В. Указ. соч. С. 4.
- ¹³ Повесть временных лет. Текст и перевод /под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч 1. М, 1950. С. 292.
- ¹⁴ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С. 62.
- ¹⁵ Славянские древности. Этнолингвистический словарь /под ред. Н.И. Толстого. М., «Международные отношения», 1995. Т. 2. С. 590-591; Пчелов Е.В. Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., Молодая гвардия, 2018. С. 139.
- ¹⁶ Лаушкин К.Д. Баба Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа //Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 182.
- ¹⁷ Петрухин В.Я. Похороны руса. Погребения знати Эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии. // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., Языки славянских культур, 2011. С. 73-74.
- ¹⁸ Повесть временных лет... С. 238.
- ¹⁹ Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях»: принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи. //Мир Клио. Т. 1. М., 2007. С. 120-121.
- ²⁰ Славянская мифология /науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., Эллис Лак, 1995. С. 228.
- ²¹ Петрухин В.Я. Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2019. С. 133.
- ²² Славянская мифология... С. 229.
- ²³ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С.61- 62.
- ²⁴ Пчелов Е.В. Указ. соч. С. 133.
- ²⁵ Войтович Л.В. Указ. соч. С. 23.
- ²⁶ Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 90.
- ²⁷ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., Советская энциклопедия, 1991. С. 222.
- ²⁸ Лаушкин К.Д. Указ. соч., 1970. С. 182-183.
- ²⁹ Славянская мифология... С. 372.
- ³⁰ Ибн Фадлан //Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. /под. ред Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. М., Наука, 2009.С 72-73.
- ³¹ Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») //История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 196.
- ³² Лаушкин К.Д. Указ. соч., 1970. С. 182-183.
- ³³ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С. 63.
- ³⁴ Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., Молодая гвардия, 2004. С. 43.
- ³⁵ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С. 63.
- ³⁶ Славянская мифология... С. 186.
- ³⁷ Насонов А.Н. «Русская земля» и образова-

- ние территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. //Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., Наука, 2006. С. 64.
- ³⁸ Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. 446-447.
- ³⁹ Успенский Ф.Б. Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей. //Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. М., Индрик, 2001. С. 407.
- ⁴⁰ Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С. 63.
- ⁴¹ Повесть временных лет... С. 251.
- ⁴² Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001. С. 61.
- ⁴³ Петрухин В.Я. Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2019.
- ⁴⁴ Войтович Л.В. Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁵ Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., Языки русской культуры, 2001. С. 375.
- ⁴⁶ Петрухин В.Я. Репрезентация власти русского князя в древнейший период: Ибн Фадлан о власти русского князя и хазарская традиция. // Петрухин В.Я. «Русь и вси языци»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., Языки славянских культур, 2011. С. 108.
- ⁴⁷ Петрухин В.Я. О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М., 1998. С. 890.
- ⁴⁸ Петрухин В.Я. Древняя Русь: народ, князья, религия. // Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000. С. 252.
- ⁴⁹ Поппэ А. Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 54: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. М., 2003. С. 316.
- матики славянских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 90.
3. Велецкая Н.Н. О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968.
4. Войтович Л.В. Призрак Олега Вещего. // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. №1. Т. 2. Белгород, 2015.
5. Ибн Фадлан // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. Том III: Восточные источники. М., Наука, 2009.
6. Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., Молодая гвардия, 2004.
7. Карпов А.Ю. Княгиня Ольга. М., Молодая гвардия, 2012.
8. Карпов А.Ю. Ярослав Мудрый. М., Молодая гвардия, 2001.
9. Лаушкин К.Д. Баба Яга и одноногие боги (к вопросу о происхождении образа //Фольклор и этнография. Л., 1970.
10. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропоники. М., Индрик, 2006.
11. Мельникова Е.А. «Сказания о первых князьях»: принципы репрезентации устной дружинной традиции в летописи. //Мир Клио. Т. 1. М., 2007.
12. Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традиции. //ДГ, 2001 г.: Историческая память и формы ее воплощения. М., Вост. лит., 2003.
13. Мельникова Е.А. Сюжет смерти «от коня» в древнерусской и древнескандинавской традиции // От Древней Руси к новой России. М., 2005.
14. Мифологический словарь. /Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., Советская энциклопедия, 1991.
15. Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., Языки русской культуры, 2001.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С.В. Князь Олег Вещий: эпос и история. // Историческое обозрение, №20. М., 2019.
2. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грам-

16. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. // *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., Наука, 2006.
17. *Перхавко В.Б., Пчелов Е.В., Сухарев Ю.В.* Князь и княгини Русской земли IX - XVI вв. М., 2002.
18. *Петрухин В.Я.* Древняя Русь: народ, князь, религия. //Из истории русской культуры. Т. 1. (Древняя Русь). М., Языки русской культуры, 2000.
19. *Петрухин В.Я.* О дохристианских истоках древнерусского княжеского культа. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию В.В. Топорова. М., 1998.
20. *Петрухин В.Я.* О фольклорных мотивах в ПВЛ. //ДГВЕ 2011, М., Университет Дмитрия Пожарского, 2013.
21. *Петрухин В.Я.* Похороны руса. Погребения знати Эпохи викингов в описании Ибн Фадлана и данных археологии. //Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., Языки славянских культур, 2011.
22. *Петрухин В.Я.* Репрезентация власти русского князя в древнейший период: Ибн Фадлан о власти русского князя и хазарская традиция. //Петрухин В.Я. «Русь и все языцы»: Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., Языки славянских культур, 2011.
23. *Петрухин В.Я.* Русь христианская и языческая: Историко-археологические очерки. СПб., «Издательство Олега Абышко», 2019.
24. Повесть временных лет. Текст и перевод /Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Ч 1. М, 1950.
25. *Поппэ А.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба. //Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 54: Памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. М., 2003.
26. *Пчелов Е.В.* Олег Вещий. Великий викинг Руси. М., Молодая гвардия, 2018.
27. Славянская мифология /Науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая; Ин-т славяноведения и балканистики РАН. М., Эллис Лак, 1995.
28. Славянские древности. Этнолингвистический словарь /Под ред. Н.И. Толстого. М., «Международные отношения», 1995. Т. 2.
29. *Толстая С.М.* Образ мира в тексте и ритуале. М., Русский фонд содействия образованию и науке, 2015.
30. *Успенский Ф.Б.* Крещение костей Олега и Ярополка в свете русско-скандинавских культурных взаимосвязей. //Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е.А. Мельниковой. М., Индрик, 2001.
31. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х т. Том 1. М., 1986.

REFERENCES

1. *Alekseev S.V.* Prince Oleg Prophetic: epic and history. //Historical Review, No. 20, М., 2019.
2. *Bernstein S.B.* Essay on comparative grammar of Slavic languages. М.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. S. 90.
3. *Veletskaya N.N.* About some ritual phenomena of pagan funeral rites (to the analysis of Ibn Fadlan's message about the funeral of «Russ») //History, culture, folklore and ethnography of the Slavic peoples. М., 1968.
4. *Voitovich L.V.* Ghost of Oleg the Prophet. // Tractus aevorum: the evolution of socio-cultural and political spaces. No. 1. T.2. Belgorod, 2015.
5. *Ibn Fadlan // Ancient Rus' in the light of foreign sources: Reader.* / ed. T.N. Jackson, I.G. Konovalova, A.V. Podosinova Volume III: Eastern sources. М., Nauka, 2009.
6. *Karpov A.Yu.* Vladimir Saint. М., Young Guard, 2004.
7. *Karpov A.Yu.* Duchess Olga. М., Young Guard, 2012.
8. *Karpov A.Yu.* Yaroslav the Wise. М., Young Guard, 2001.
9. *Laushkin K.D.* Baba Yaga and one-legged gods (on the question of the origin of the image // Folklore and Ethnography. L., 1970.
10. *Litvina A.F., Uspensky F.B.* The choice of a

- name among Russian princes in the X-XVI centuries: Dynastic history through the prism of anthroponymy. M., Indrik, 2006.
11. *Melnikova E.A.* «Tales of the First Princes»: Principles of Representation of the Oral Retinue Tradition in the Chronicle. // World of Clio. T. 1. M., 2007.
 12. *Melnikova E.A.* Historical memory in oral and written tradition. // DG, 2001: Historical memory and forms of its embodiment. M., Vost. lit., 2003.
 13. *Melnikova E.A.* The plot of death «from a horse» in the Old Russian and Old Norse traditions // From Ancient Rus' to New Russia. M., 2005.
 14. Mythological dictionary. / Ch. ed. EAT. Meletinsky. M., Soviet Encyclopedia, 1991.
 15. *Nazarenko A.V.* Ancient Rus' on International Ways: Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations in the 9th-12th Centuries. M., Languages of Russian culture, 2001.
 16. *Nasonov A.N.* «Russian land» and the formation of the territory of the Old Russian state. Historical and geographical research. // Nasonov A.N. «Russian land» and the formation of the territory of the Old Russian state. Historical and geographical research. Mongols and Rus'. History of the Tatar policy in Rus'. SPb., Nauka, 2006.
 17. *Perkhavko V.B.* Pchelov E.V. Sukharev Yu.V. Princes and princesses of the Russian land IX-XVI centuries. M., 2002.
 18. *Petrukhin V.Ya.* Ancient Rus': people, princes, religion. // From the history of Russian culture. T. 1. (Ancient Rus'). M., Languages of Russian culture, 2000.
 19. *Petrukhin V.Ya.* On the pre-Christian origins of the ancient Russian princely cult. // POLYTROPON. To the 70th anniversary of V.V. Toporova. M., 1998
 20. *Petrukhin V.Ya.* About folklore motifs in PVL. // DGVE 2011, M., Dmitry Pozharsky University, 2013.
 21. *Petrukhin V.Ya.* Russian funeral. Burials of the nobility of the Viking Age in the description of Ibn Fadlan and archeological data // Petrukhin V.Ya. «Rus and all languages»: Aspects of historical relationships: Historical and archeological essays. M., Languages of Slavic cultures, 2011.
 22. *Petrukhin V.Ya.* Representation of the power of the Russian prince in the ancient period: Ibn Fadlan on the power of the Russian prince and the Khazar tradition. // Petrukhin V.Ya. «Rus and all languages»: Aspects of historical relationships: Historical and archeological essays. M., Languages of Slavic cultures, 2011.
 23. *Petrukhin V.Ya.* Rus' Christian and pagan: Historical and archeological essays. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publishing House, 2019.
 24. The Tale of Bygone Years. Text and translation. / Ed. V.P. Adrianova-Peretz, Ch 1. M, 1950.
 25. *Poppe A.* Earthly death and heavenly triumph of Boris and Gleb // Proceedings of the Department of Old Russian Literature. T. 54: In memory of Dmitry Sergeevich Likhachev. M., 2003.
 26. *Pchelov E.V.* Oleg Veshy. Great Viking of Rus'. M., Young Guard, 2018.
 27. Slavic mythology / Scientific. ed. V.Ya. Petrukhin, T.A. Agapkina, L.N. Vinogradova, S.M. Tolstaya. Institute of Slavic and Balkan Studies RAS. M., Ellis Luck, 1995.
 28. Slavic antiquities. Ethnolinguistic Dictionary / Ed. N.I. Tolstoy. M., «International Relations», 1995. Vol. 2.
 29. *Tolstaya S.M.* The image of the world in text and ritual. M., Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2015.
 30. *Uspensky F.B.* Baptism of the bones of Oleg and Yaropolk in the light of Russian-Scandinavian cultural relations. // Norn at the source of fate. Collection of articles in honor of E.A. Melnikova. M., Indrik, 2001.
 31. *Fasmer M.* Etymological dictionary of the Russian language in 4 volumes. Volume 1. M., 1986.

**THE MOTIF OF “DEATH BY HIS OWN HORSE” AND THE RUSSIAN PRINCES
OF THE RURIK DYNASTY IN “THE TALE OF BYGONE YEARS”**

© 2023 A.S. Fogel

Samara State University of Economics

The article is devoted to the problem of interpreting the widespread recurring chronicle motif of “death by his own horse” in connection with descriptions of the deaths of Russian princes from the Rurik dynasty in the X – early XI centuries: Oleg the Prophetic, Oleg Svyatoslavich Drevlyansky and Gleb Vladimirovich Muromsky. The author sought to identify and analyze in detail all the folklore motifs associated with these three deaths and to examine the connections that unite all these cases in “The Tale of Bygone Years”. The problem is considered on the basis of modern achievements of Russian science.

Keywords: Ancient Rus, Rurikids, princes, dynasty, “The Tale of Bygone years”, chronicle, folklore, druzhina culture, tradition, paganism, Christianity, medieval mentality.

DOI: 10.37313/2658-4816-2023-5-3-5-17

EDN: IENVYW